

НАТАЛЬЯ БЕРЗИНА

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

БЕЗ ПРАВА
НА ЗАЩИТУ

Наталья Берзина
Без права на защиту

«Центрполиграф»

2010

Берзина Н. А.

Без права на защиту / Н. А. Берзина — «Центрполиграф», 2010

Виталий, сынок негласного хозяина маленького городка, испорчен был с детства. С годами жестокость стала единственной целью его существования, извращенная натура жаждала все новых и новых сладострастных наслаждений, а значит, все больше и больше невинных жертв. Особенно беззащитны перед ним оказались его жена Мария и их маленький сынишка. Разгадать план действий хитроумного садиста было почти невозможно. Но опытный психиатр Юрий Кривич раскрыл зловещий характер его заболевания, разглядев затаенный страх в глазах молодой женщины, и взял Марию и ребенка под свою защиту. В ответ опасный безумец затеял новую игру.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Наталья Берзина

Без права на защиту

Часть первая

– Юрий Дмитриевич! Вы уже посмотрели этого суицидника? – спросила Светлана.

– Да, но толку мало. Он пока не может говорить, горло болит, да и замкнулся, не идет на контакт. Нужно время. А тебя почему так взволновал этот случай? Он твой знакомый?

– Что вы, Юрий Дмитриевич, нет! Просто я видела женщину, которая вызвала бригаду. Сначала мне показалось, что она его мать, а глянула документы – жена!

– Ну и что? Какая разница? – удивился Юрий Дмитриевич.

– Она на восемь лет его старше. Вот и все дела! – с некоторым вызовом ответила Светлана.

– Послушай, дорогая, в нашем мире это не запрещено. Бывает, муж старше жены, а бывает и наоборот. Поверь, с точки зрения психиатрии подобное является нормой. А уж если покопаться в психоанализе, то найдешь такое, что просто диву даешься.

– Я понимаю, но все же как-то непривычно. Вам стоило бы взглянуть на нее. Он молодой, красивый, а она серая мышка! – возразила медсестра.

– Света, разве ты не знаешь, как это бывает? Девка перестарок, замуж хочется, может, он у нее квартиру снимал, может, еще что. Подпоила, уложила, припугнула – вот и муж готовый. Простая бытовуха! Не бери в голову. Такое сплошь и рядом случается.

– Как же, так я и поверила! У меня вот что-то не получилось! – тут же отреагировала Света.

– Послушай, я уже не мальчик. То, что случилось, мне кажется, было всего лишь твоим минутным капризом. Для нас обоих наилучшим исходом будет забыть все и остаться добрыми друзьями.

– Как же, Юрик, такое разве забудешь! Тебе говорили, что ты потрясающий мужчина? – промурлыкала Светлана.

– Света, или ты прекратишь глупые и ненужные разговоры, или мне придется искать другую медсестру! – резко оборвал Юрий Дмитриевич.

Фыркнув недовольно, Света вышла из кабинета, а Юрий Дмитриевич, кандидат медицинских наук, заведующий психиатрической больницы, сорокалетний холостяк, дважды разведенный, моложавый красавец мужчина, закинул руки за голову и посмотрел в окно. Первые зеленые листочки уже проглянули из полопавшихся почек. Деревья словно окутались нежной прозрачной зеленоватой дымкой. Неистово синее небо раскинулось над землей. Ошалелые от весеннего тепла и света пичужки заливались на все голоса. После тягостной, ненастной, промозглой зимы весна должна была дарить счастье и радость. Так нет! В отделении не протолкнуться от поступающих каждый день больных. Со странной, не раз описанной учеными умами закономерностью как обострялись застарелые психические заболевания, так и полнились ряды новых пациентов. И все же Юрий Дмитриевич Кривич любил весну. Ему нравилось наблюдать за пробуждением природы. Здесь, в загородной больнице, особенно остро чувствовалось, как отходит, откатывается на север зимняя стужа, как отогревается и оживает земля. В городе смена зимней слякоти на весеннюю происходила не так заметно. Разве что женщины становились красивее, девушки сбивались в разноцветные, радующие глаз стайки и весело щебетали, с вызовом поглядывая на парней. Да что там на парней! На него тоже обращали внимание, особенно когда он выходил из своей стремительной серебристой «мазды», встряхивал тронутый сединой гривой русых волос. Юрий понимал, что эти молоденькие красотки не для него, но

было приятно их внимание. Так сложилось, что он всегда пользовался успехом у женщин, хотя и не считал себя завзятым сердцеедом. Первый брак оказался недолговечным по обычной для молодых семей причине. Борьба между ним и тещей оказалась проиграна в первом же раунде. Элеонора Эдуардовна сделала все, чтобы настроить против него свою дочь. И ей это удалось. Леночка позже поняла фатальность сделанной ею ошибки и даже пыталась наладить отношения, но в тот момент Юрий Дмитриевич уже был женат вторично и разводиться не собирался. Со Светланой поначалу все складывалось просто замечательно, с матерью ее, Лидией Тимофеевной, даже установился определенный контакт. Да вот только, к несчастью, не любил он балет и не понимал его. И к творчеству определенного художника оставался равнодушен. Предпочитал импрессионистов, но понимал их по-своему. Понемногу дело дошло до того, что однажды Лидия Тимофеевна назвала его эмоционально неразвитым. Конечно, можно было и не вспылить. Спустить на тормозах. Просто день был трудный. От проведенных за компьютером почти десяти часов откровенно тошнило. В общем, Юрий сорвался. Высказался и по поводу украшения жизни, и относительно классического балета. С того вечера тещу словно подменили. Теперь мамаша жены постоянно пилила дочь: и мало-то Юрик зарабатывает, и больше времени проводит за книгами, чем посвящает жене. В результате – разрыв. Пока Кривич защищался, Лидия Тимофеевна нашла дочери более подходящую партию. Юрий согласился на развод, понимая, что борьба в очередной раз проиграна. Другьям он тогда заявил: «Жениться нужно только на сироте! А вообще, идеальная жена – слепоглухонемая сирота!» И больше уже не наступал на те же грабли. Здравомыслящий, он пришел к выводу: жена ему совершенно не нужна. Юрий Дмитриевич вполне успешно справлялся с бытом, а что касается физиологии, то особых проблем тоже не возникало. Благо, дожив до сорока лет, он не обзавелся пивным животиком, поддерживал отменную физическую форму. Два раза в неделю спортзал, два раза в неделю бассейн, кроме того, ежедневные пробежки по пять километров – все это позволяло надеяться, что старость его так просто не возьмет.

Последний случай не показался ему чем-то особенным. Обычная рутина. Подумаешь, мужчина слазил в петлю! Не слишком-то он хотел умирать, если рассудить здраво. Вполне мог осуществить задуманное, пока жена на работе. Пришла, а тут ее ждет подарочек. Холодное тело на брючном ремне. Да и ремень он использовал широкий. Явно надеялся, что его спасут. Потому и шагнул с табурета в тот момент, когда отрылась дверь. Напугать он хотел свою жену. Серую мышку, как выразилась Света. Скорее всего, у них был какой-то конфликт. Вот и решил доказать ей, что может легко потерять такого замечательного мужа. А уж насколько он замечателен, судить жене. Впору с ней поговорить. Хотя, если она потрясена случившимся, то лучше не к нему, а к психологу. Больше толку будет.

Рука сама потянулась к телефону. Алена ¹подняла трубку моментально, будто только и делала, что с нетерпением ожидала звонка.

– Привет! Юра, ты как раз мне и нужен, хочу тебе сдать своего мужа. Понимаешь, он совершенно свихнулся и домой является только ночевать. Готов сутками пропадать на работе! – раздался в трубке бархатный голос Алены.

– Привет, красавица! Ты хочешь, чтобы я тебе поверил? В таком случае отпусти Глеба со мной на рыбалку! Я его обследую в нетрадиционной обстановке и вынесу вердикт. Согласна? – рассмеялся Юрий Дмитриевич.

– Если вас отпустить вдвоем, то психиатрия потеряет выдающегося врача, а я мужа! Вы же оба удержу не знаете! Два сапога пара! Нет, чтобы собраться вместе, на шашлычки, с пивком, как принято у людей!

– А что, предложение заманчивое! Кстати, и выходные не за горами! – предложил Юрий.

¹ Алена и Глеб – герои книги «По ком звонят колокольчики».

– Правильно, и к Павлу Северину ² нагрянем всей толпой! Очень разумное предложение! – подхватила Алена.

– Значит, на том и порешим! Да, знаешь, я тебе, в общем, по делу звоню. Тут один клиент в петлю зачем-то слазил.

– Прости, дорогой, но это скорее по твоей части! Я самоубийствами не занимаюсь.

– Нет, я тебе его и не предлагаю, просто у него жена есть, и так получилось, что она все видела. Как бы шока не было. Можно я твой телефончик ей дам? – спросил Юрий.

– У нее серьезные проблемы? – тут же перейдя на серьезный тон, уточнила Алена.

– Пока не знаю. Пациент только поступил. С дамой я еще не разговаривал, но, как мне показалось, у них конфликт, и парень симитировал попытку самоубийства. Прямо на глазах у жены. Так что, поговоришь с ней? – уточнил Юрий Дмитриевич.

– Думаю, она не перезвонит. Лучше устрой нам встречу. Так будет лучше. Например, завтра. Успеешь?

– Для тебя все, что угодно! Сегодня же свяжусь с этой дамой и назначу время. Во сколько тебе будет удобнее?

– Лучше во второй половине дня. После трех.

– Договорились! Я тебе перезвоню! – закончил разговор Юрий.

Положив трубку, он встал и подошел к окну. В самом деле, неплохо было бы собраться, выехать за город, посидеть в компании хороших людей, отойти немного от работы. Послушать, что еще написал неугомонный Северин. Всякий раз, когда ему приходилось бывать у известного писателя, он отдыхал душой. А что до рыбалки, то на озере вполне может быть неплохой клев. Можно будет или с удочкой посидеть, или спиннинг побросать. Размечтавшись, Юрий Дмитриевич не услышал, как за спиной отворилась дверь.

– Простите, доктор! Я вам не помешала?

Юрий Дмитриевич обернулся и почувствовал, как кольнуло сердце. Она показалась ему настолько необычной, что он даже не сразу заметил некоторую несуразность в одежде, что так ее портила. Нелепую прическу, как у учительницы со страницы старого журнала. Даже поза показалась ему милой, хотя женщина, стоящая перед ним, по-старушечьи теребила ремешок так не шедшей ей большой, почти хозяйственной сумки.

– Вы ко мне? – почему-то задал неуместный вопрос Юрий Дмитриевич.

– Не уверена, но, очевидно, к вам! – очень мягко улыбнулась женщина.

– В таком случае присаживайтесь! – предложил Юрий Дмитриевич, возвращаясь к столу.

Как он ни пытался побороть непонятное чувство смущения, но взять себя в руки удалось не сразу. Сначала он зачем-то переложил бумаги на столе, затем выключил компьютер. Словом, делал все возможное, чтобы растянуть время. Ему стало необычайно важно, чтобы это простая, но в то же время удивительная женщина оставалась в его кабинете как можно дольше. А еще хотелось ее слушать! Юрий словно попал под какое-то неземное обаяние посетительницы. Он прекрасно сознавал, что ничего подобного он никогда раньше не испытывал. У женщины был странный голос. Она словно ненавязчиво притягивала к себе внимание. Нет, женщина не была красавицей! Скорее, можно было назвать ее дурнушкой, если бы не волшебные, чуть усталые глаза, трогательная смущенная улыбка и необычайно милые, почти незаметные, но такие очаровательные морщинки возле глаз. Неправильный, слегка вздернутый носик. Россыпь мелких веснушек. Не тронутые помадой припухлые губы. Бледная, еще не загоревшая шея с трепетной голубенькой жилкой. Гладко зачесанные, собранные в старомодный пучок русые волосы, оставляющие открытым беззащитный затылок. Все в ее облике даже не говорило, кричало о беззащитности и... нежности! Пожалуй, только легкий шарфик, повязанный как-то по-особому, придавал женщине некий шарм. Пусть он и не слишком гармонировал с

² Павел Северин – один из героев книги «Смерть не берет выходных».

неуклюжим тяжелым пальто, но вносил некое очарование, делающее лицо более светлым и одухотворенным.

С огромным трудом справившись с собой, Юрий Дмитриевич откашлялся, как лектор перед выступлением, и каким-то не своим, деревянным голосом сказал:

– Итак, я вас слушаю.

– Я даже не знаю, с чего начать! Меня попросили к вам зайти. Та девушка сказала, что вы хотите со мной поговорить. Я не представляю себе темы разговора. Но раз это так необходимо, то я здесь. Вы понимаете, я совершенно ничего не поняла сначала. Только вошла, и тут такое! Опешила, конечно. Не сразу сообразила, что делать. Может быть, я неправильно поступила? Я уже рассказывала, как это случилось! Меня выслушали, все подробно записали, я расписалась. Что-то не так? – Женщина подняла на Юрия Дмитриевича свои невероятно трогательные глаза и с напряжением пыталась уловить какую-нибудь реакцию собеседника.

– Мне трудно о чем-либо судить по простой причине. Объясните мне, пожалуйста, кто вас ко мне направил, что же случилось? Пока я не понимаю, о чем идет речь!

– Виталий! Он... как бы это сказать. В общем, когда я пришла домой, услышала стук. Бросилась в комнату, а он... Я попыталась ему помочь, но не сразу получилось. Мне было трудно его держать. Он тяжелый. Пришлось возиться достаточно долго, прежде чем я его уложила, и только тогда вызвала скорую. Приехали ваши врачи. Виталия забрали. Я хотела поехать с ним, но мне не позволили. Пока добралась, прошло время. Поверьте! Я не хотела этого! Он несколько раз грозился. Но я не верила. Может быть, нужно было сразу позвонить?

– Простите, давайте начнем по порядку. Кто вы? Что вас ко мне привело?

– Меня зовут Мария Федоровна. Я преподаю русский язык и литературу. Сюда я пришла из-за Виталия. Он... как бы правильнее сказать... Вроде муж. Хотя мы не живем вместе уже семь лет.

– Вы хотите сказать, что этот загадочный Виталий, из-за которого разгорелся весь сыр-бор, ваш муж, я верно понял? – уточнил Юрий Дмитриевич. – Или же вы...

– Нет! – вдруг возмущенно воскликнула Мария Федоровна. – Мы были вполне официально расписаны, просто живем порознь. Это неприятная история, и я не хочу о ней вспоминать. Дело в том, что Виталий пытается отсудить у меня ребенка! Но я не могу... Это мой сын, никому его не отдам!

– Успокойтесь, пожалуйста! Никто не имеет права отнять ребенка у матери. Расскажите мне по порядку, что же произошло? – остановил женщину Юрий Дмитриевич.

После очередного обхода Юрий Дмитриевич заглянул в палату, где находился парень, которого привезли вчера после попытки повешения. Сегодня настроение у него было уже получше, и, хотя горло все еще болело, он смог более или менее внятно говорить.

– Так что с вами произошло? – спросил Юрий Дмитриевич, присаживаясь рядом.

– Мне трудно объяснить. Жена почему-то вдруг озлобилась на меня. Решила выгнать из дома. Я расстроился, и вот... – хрипло ответил больной.

– Это понятно. Но разве размолвка с женой повод для самоубийства?

– Я не могу без нее! Чтобы сохранить наш брак, я готов на все. Это вы можете понять? – волнуясь, едва не выкрикнул больной.

– Успокойтесь! Не стоит так волноваться. Любой вопрос можно решить мирным путем. Вы пробовали поговорить с женой? Попробуйте с ней объяснить. Не может быть, чтобы женщина не постаралась вас понять. Вы хотите с ней встретиться?

– Да, очень хочу, но боюсь, она не желает меня видеть.

– В таком случае я сам поговорю с ней. Что-нибудь передать вашей жене? – предложил Юрий Дмитриевич.

– Только одно. Я хочу, чтобы мы снова были вместе! – пылко сказал больной.

Вернувшись в кабинет, Юрий Дмитриевич остановился у окна и долго смотрел вдаль. Пробуждающаяся природа подталкивала к несколько фривольным мыслям. И крутились они почему-то вокруг странной и в тоже время чем-то удивительной женщины, посетившей его вчера в этом же кабинете. Он никак не мог попятить, что именно его зацепило. Не красавица, скромница, скорее, даже забытая жизнью, но чем-то она все же тронула душу. Заставила думать о себе, и что греха таить, даже мечтать о... «Стоп! Хватит! Уже набегался и навлюблялся! Достаточно!» – остановил себя Юрий Дмитриевич. Вчера он попросил Марию Федоровну приехать к четверем. На беседу, как он выразился. Утаил от женщины истинную причину и теперь ожидал, как она войдет, посмотрит на него необыкновенными глазами, в глубине которых плещется затаенный страх, произнесет удивительным голосом слова приветствия. Не важно, что разговаривать она станет не с ним, а с Аленой. Главное, она будет в этом кабинете. А после разговора долго нельзя будет уехать – не будет автобусов, и он сможет подвезти ее на машине до города. Возможно, им удастся о чем-то побеседовать. Удивительно, но уже много лет он не испытывал ничего подобного. Ни одна женщина не поражала его воображения настолько сильно, чтобы он непрестанно думал о ней.

Задумавшись, Юрий Дмитриевич не сразу услышал мелодию мобильного.

– Я уже на месте. Оставлю авто на стоянке. Тут к проходной идет одна дама. Крайне подавленная. Случайно, не моя клиентка? Средних лет, одета, правда, по-старушечьи да еще сутулится. По описанию подходит? – сказала Алена.

– Возможно, вчера она мне тоже показалась подавленной. По этой причине я и обратился к тебе за помощью. Жду тебя в кабинете.

Женщина, осторожно постучав, вошла, замерла на пороге, скорбно прижав к груди объемистую сумку, вполне заменяющую хозяйственную.

– Здравствуйте! – произнесла она и вновь затихла, словно в ожидании чего-то страшного и неизбежного.

Покорность и затаенный страх! Вот что сквозило в ней. И опять нестерпимое желание спасти, защитить, обогреть захлестнуло Юрия Дмитриевича.

– Здравствуйте Мария Федоровна, проходите, садитесь. Я вас пригласил, чтобы поговорить о вас и вашем муже. Сейчас придет моя коллега, она лучший специалист в городе по подобным вопросам, – сказал он и шагнул навстречу.

– Это касается Виталия? – уточнила Мария Федоровна, не отрывая от врача серых печальных глаз.

– Да. Но в первую очередь эта беседа необходима вам! – по возможности ровно сказал Юрий Дмитриевич, и в эту же секунду вошла Алена.

– Я вас оставлю. Думаю, так вам будет удобнее, – сказал Юрий Дмитриевич и покинул кабинет.

Вышло, как он и рассчитывал. Мария Федоровна стояла в одиночестве на автобусной остановке, печально изучая расписание. В ближайший час ни одного автобуса в город не предвиделось. Юрий Дмитриевич не стал пугать женщину. Остановился поодаль, вышел из автомобиля. Спокойно подошел.

– Простите, Мария Федоровна. Не хочу показаться навязчивым, но если вы не против, я мог бы довезти вас до города.

– Отсюда всегда так трудно уехать? – вопросом на вопрос ответила она и опустила глаза.

– Только в это время. Прошу! – уверенно сказал Юрий Дмитриевич, беря женщину под локоть.

Она вздрогнула! Сделала какое-то судорожное движение, но руку не вырвала, только напряглась.

– Это, наверное, неудобно! – тихо сказала она, не двигаясь с места.

– В таком случае вы меня вынуждаете сидеть с вами на остановке в ожидании автобуса! – вдруг рассмеялся Юрий Дмитриевич.

Она улыбнулась, робко, застенчиво, словно пробуя на вкус новое, неведомое ощущение. Мысль о том, что, по-видимому, раньше ей никогда не оказывали знаки внимания, вдруг поразила Юрия Дмитриевича.

– Идемте! Поверьте, я не маньяк и не собираюсь делать ничего такого. Вы где живете?

Она назвала улицу. В отдаленном районе, пользующемся дурной славой. Юрий Дмитриевич почему-то представил, как она добирается с работы домой темными зимними ночами, когда редкие фонари освещают заваленные грязными сугробами неряшливые улочки. Ветер с реки насквозь пронизывает легкое пальтишко. Где-то хлопает чудом висящая на одной петле дверь парадного, темного, неуютного, пропахшего кошками и какой-то гадостью. Ему остро стало жаль эту бедную, затюканную женщину. Скромную учительницу русского языка, в одиночку воспитывающую сына от нелюбимого мужа.

Почему он распахнул для нее заднюю дверь? Случайно! Просто оказалась ближе. Мария Федоровна неловко забралась внутрь. Пола невзрачного серенького пальто свесилась, почти коснувшись земли. Выждав секунду, он наклонился, поправил полу, чем немало смутил женщину, не привыкшую садиться в низкую полуспортивную машину.

Так медленно он никогда не ездил. Не потому, что осторожничал. Просто хотелось подольше оставаться рядом с ней. Всю дорогу Мария Федоровна отмалчивалась. На вопросы отвечала односложно, не давая возможности развернуть какую-либо тему. Впрочем, он и сам не знал, о чем говорить. Слишком далека была от него эта женщина, слишком непонятна. Она не позволила довести ее до самого дома. Попросила остановиться прямо на улице.

– Неудобно! Мало ли что люди подумают! – пояснила Мария Федоровна и снова смутилась.

Юрий Дмитриевич мучительно искал повод для следующей встречи и никак не мог найти.

– А вашему сыну сколько лет? – спросил он, злясь на себя.

– Семь, в сентябре уже восемь будет! – как-то сразу смягчилась Мария Федоровна.

– В школе учится? – зачем-то уточнил Юрий Дмитриевич.

– Да, уже во втором классе! – с нескрываемой гордостью сказала Мария Федоровна и тут же спросила: – А у вас дети есть?

– Нет! – с грустной ноткой ответил Юрий Дмитриевич. – Жена не захотела, а теперь я вообще один. А знаете что? Могу я вас пригласить на выходные к друзьям? Вы познакомитесь с интересными людьми. Знаете такого писателя Павла Северина? Он мой старинный друг. И мальчику вашему будет интересно. Все мои друзья приедут с детьми!

– Нет, что вы! Неудобно! Мы с вами совершенно незнакомы, да и друзья ваши неизвестно что подумают!

– А просто за город? Или в парк? Соглашайтесь! – продолжал настаивать Юрий Дмитриевич.

– Разве что в парк? – с сомнением сказала Мария Федоровна. – Ванечка уже давно не был за городом.

– Вот и отлично! Давайте, чтобы не откладывать в долгий ящик, завтра! Вы до какого часа работаете?

– Завтра я до двух. И Ванечка тоже в это же время из школы возвращается.

– Замечательно! У меня завтра семинар. Я освобожусь часа в четыре. Позвоню и заеду за вами. Ваш телефон у меня записан! – радостно воскликнул Юрий Дмитриевич.

Попрощавшись, он рванул с места так, что на асфальте остались черные полосы сгоревшей резины. Ликование переполняло душу. Он думал лишь о том, что завтра проведет вечер с женщиной, так его поразившей.

Облака, редкие, пушистые, неспешно плыли по нестерпимо яркому весеннему небу. Подсвеченные уже клонящимся к закату солнцем, они, казалось, горели в расплескавшейся до самого горизонта сини и оттого выглядели вызывающе и по-своему привлекательно. Непрестанно меняясь, они пылали алым светом и становились похожи то на загадочные замки, то на волшебные никем не покоренные горы, то на удивительных животных. Постояв немного во дворе, Юрий Дмитриевич поднялся к себе. Холостяцкая квартира, которую он раньше так любил, показалась ему до того неуютной и пустой, что, наскоро перехватив что-то на кухне, он спустился к соседям. С Сергеем³ он был знаком с того дня, когда купил квартиру в этом доме. Сосед полгода назад женился на удивительной красоты девушке. История их знакомства и любви оказалась столь захватывающей, романтической и увлекательной, что вполне заслуживала того, чтобы стать основой романа. Чего стоили только поиски настоящего клада! Впрочем, сам Юрий Дмитриевич не склонен был к подобному творчеству. Достаточно того, что этим занимался Павел. Хотя и он, как ни странно, не стал писать о приключениях Марины и Сергея. Лишь заметил как-то в разговоре, что такое хоть и редко, но случается в жизни. В этот вечер молодые супруги оказались дома и с радостью приняли гостя. Юрий Дмитриевич засиделся у них и вернулся к себе далеко за полночь. Предстоящий день в целом был обычным и рутинным. Парочка лекций в университете, где он преподавал, затем семинар и, наконец, долгожданная встреча с Марией.

Едва открыв дверь, Мария с ужасом почувствовала запах. Тяжелый, липкий, отвратительный, он заполнял пространство квартиры. Давил, не давал вздохнуть полной грудью. Она подумала, что именно так пахнет смерть. Ванечка занимался в своей комнате и, как показалось Марии, совершенно его не чувствовал. Голод, который она ощущала, внезапно исчез, уступив место тошноте. Перед глазами вновь возникла отвратительная картина дергающихся в конвульсии ног Виталия. Зажав ладонями рот, Мария стремглав бросилась в ванную.

Вчера, после возвращения из больницы, приняв валерьяны, пустырника да еще и фенотезама, она достаточно успешно уснула, но сегодня Мария чувствовала, что ее ждет бессонная ночь. Она быстро умылась, не задерживаясь ни на одну лишнюю секунду, миновала комнату, в которой пытался повеситься муж, и вошла к сыну. Ваня поднял на нее огромные серые глаза и с тревогой спросил:

- Тебе плохо, мамочка?
- Сынок, ты уроки уже сделал? – не отвечая на вопрос, спросила Мария.
- Да, я в библиотеке книжку взял. Интересную!
- Ты не хочешь погулять со мной?
- Хочу! А куда мы пойдем?
- Куда-нибудь. Просто подышим воздухом. Может, на реку сходим.
- Ура!!! – воскликнул Ваня и бросился одеваться.

Тихий вечер окутал берег. Где-то поодаль гудел теплоход, чайки кружили над речной гладью. Противоположный, поросший кустарником, берег уже подернулся нежной полупрозрачной зеленью. Темная, по-весеннему высокая вода катилась к далекому студенному морю. Подмытый водой песчаный выступ с шумом обрушился, подняв тучу брызг. На темной глубокой воде медленно расплзлось желто-коричневое пятно. Наблюдая за Ваней, который по бетонному желобу для спуска моторных лодок подошел к самой реке, Мария села на камень. Ее лежащие на коленях руки перебирали край шарфа. Она уже не раз задавалась вопросом, почему ей так не везет в жизни. В первую очередь она винила себя. Ведь не прими она когда-то тот самый злополучный букет, возможно, ничего бы и не случилось. Сама позволила Виталию, сама дала повод надеяться на развитие отношений и так жестоко поплатилась! Теперь необходимо принимать решение. Да, разумеется, развод необходим. Пусть люди думают и говорят

³ Сергей и Марина – главные герои книги «Лики смерти».

что угодно. Не одна она так живет и воспитывает ребенка без мужа. Но Мария приходила в ужас от одной мысли о том, что ей предстоит суд, мучительное, безжалостное разбирательство. В зале будет сидеть толпа любопытных, жаждущих покопаться в чужом грязном белье. А она вынуждена будет отвечать на различные, порой непристойные вопросы. Не будь развод столь отвратителен, пожалуй, она давно решилась бы на него, но страх публичного унижения оставивал Марию. Она была наслышана, как это происходит, и больше всего боялась именно самого процесса, а не его последствий. Все эти годы она жила одна, ничуть не тяготясь отсутствием поддержки со стороны отца Вани, а тут, когда Алена почти убедила ее в необходимости сделать решительный шаг, вдруг спасовала. Да, в жизни нужно что-то менять. Вот только как это сделать, Мария не знала.

Домой они вернулись, лишь когда совсем стемнело. Несмотря на распахнутое окно, беспокойный ее запах так и остался в комнате. Повторив вчерашний фокус с лекарствами, Мария смогла уснуть лишь под утро.

Телефон зазвонил ровно в четыре. Мария не сразу поняла, кто с ней разговаривает. Голос в трубке показался знакомым, но вот то, что говорил мужчина, она осознала не сразу.

– Вы готовы? – просто спросил незнакомец.

– Простите, я вас не понимаю! – удивленно воскликнула Мария.

– Извините! Это Юрий Дмитриевич. Мы с вами собирались сегодня съездить в парк. Я обещал позвонить вам, когда освобожусь. Так вот, я совершенно свободен! – с легким нажимом сказал Юрий Дмитриевич.

– Простите, я совершенно забыла! Может быть, не стоит нам этого делать? – пошла на попятную Мария.

– А как же ваш мальчик? Вы же собирались вывести его за город отдохнуть, подышать свежим воздухом? – настаивал Юрий Дмитриевич.

– Мне кажется, это не совсем удобно! Давайте перенесем поездку! – все еще пыталась как-то помягче отказать Мария.

– Через минуту я буду возле вашего подъезда. Сейчас я уже на Востречева. Подъезжаю. Так что собирайтесь и выходите!

Теперь она злилась на себя за то, что так быстро согласилась на поездку за город. Удивительно было то, что она не собиралась давать утвердительный ответ. Это полностью противоречило ее жизненным принципам, но все же... Может быть, и прав Юрий Дмитриевич? Нужно просто хотя бы на время забыть обо всем. Отбросить кошмары, связанные с самим фактом существования Виталия. Что он сказал, когда усаживал ее с Ваней в машину?

– Поверьте мне, как врачу! И вам, и ребенку необходимо отдохнуть. Погуляете, посмотрите на красоту просыпающегося после зимы парка. Покормите птиц. Для вас это будет самой действенной терапией.

Город уже остался за спиной, и машина неторопливо катила вниз, к стоянке возле парка. Мария даже не заметила, как они пересекли город из конца в конец, и теперь с удивлением вспоминала, что не была здесь уже больше года. Тогда она возила Ваню во время зимних каникул кататься на каруселях. Легкий морозец пощипывал щеки, солнечные лучи, отражаясь от сверкающего снега, заставляли шуриться и прикрывать глаза рукой. Снегири и синицы в зарослях рябины лакомились прихваченными морозцем ягодами. Ваня, задорно смеясь, раскачивался на качелях...

– Вот мы и приехали! – заглушив двигатель, сказал Юрий Дмитриевич и обернулся к Марии: – Пошли гулять!

Юрий Дмитриевич открыл Марии дверь, но она выбиралась из низкого автомобиля неловко. Мешало длинное пальто, потом она зацепилась каблучком за порожек, да к тому же еще и приложила головой о кромку дверного проема, и если бы не подхватившая ее уве-

ренная мужская рука, пожалуй, могла и упасть на асфальт. Ваня, в отличие от нее, выбрался вполне успешно. Мария побоялась посмотреть в глаза Юрия Дмитриевича, боясь увидеть в них насмешку и презрение. Действительно, что это за женщина такая, которая без посторонней помощи не в состоянии легко и непринужденно выпорхнуть из авто?!

Не поднимая головы, она схватила за руку сына и двинулась в сторону парка. Юрий Дмитриевич вдруг схватил ее за рукав – в двух шагах от Марии пронесся автомобиль.

– Ну, Мария Федоровна! Как же вы на работу ходите?! – только и смог воскликнуть Юрий Дмитриевич.

Не выпуская локоть Марии, он перевел ее через дорогу и какое-то время так и шел с ней по аллее. Чувствуя себя крайне неудобно, попыталась высвободить руку. Это удалось ей лишь со второй попытки. Чуть ускорив шаг, она, попрежнему сжимая ладошку Вани, попыталась уйти вперед. Но Юрий Дмитриевич не только не отстал, наоборот, легко опередил их и, остановившись в двух шагах, с явным интересом наблюдал за дальнейшими действиями женщины.

– Вы что, намерены нас преследовать? – вдруг сорвалась она.

– Мне казалось, что мы приехали вместе, чтобы просто погулять?! – удивился Юрий Дмитриевич.

Мария почувствовала, как краска опять залила лицо. Все верно! Это только благодаря ему, Юрию Дмитриевичу, она с Ваней здесь, и вести нужно себя соответственно, не накалять ситуацию, а как-то пытаться ее разрядить!

– Извините! Я сегодня сама не своя! Снова почти не спала. Не могу больше находиться в своей квартире! После того, что там произошло, мне все время кажется, будто он по-прежнему там... в петле!

– Именно для того, чтобы вы успокоились, я и привез вас сюда. Идемте, покажу вам свое любимое место. Я там укрываюсь от всех, когда нужно обрести покой, – спокойно объяснил Юрий Дмитриевич и направился в сторону реки.

Она появилась неожиданно. Просто за поворотом дерева вдруг расступились, и с кручи открылся восхитительный вид. Широкая полноводная река спокойно несла темные внешние воды. Усадив Марию на ствол причудливо наклоненного дерева, Юрий Дмитриевич предложил ей отдохнуть, а сам вместе с Ваней направился к близлежащему кафе.

Оставшись в одиночестве, Мария долго смотрела на воду и мысленно перебирала события последних дней. Почему Юрий Дмитриевич принял такое участие в ее судьбе? Заинтересовался ею как женщиной? Этого не может быть! Он красивый, видный, успешный мужчина и вдруг... нет! Тогда что? Врачебный долг? Верность клятве Гиппократы? Вполне возможно! Он, как говорят, выдающийся врач. Известный психиатр. Вполне возможно, пытается не допустить, чтобы в больницу попала и она, Мария. Тогда все складывается. Только неудобно, что он возит их с Ваней на своей машине, тратит на них время. Может быть, это можно сделать как-то иначе?

Весеннее солнце припекало уже ощутимо. Мария растегнула старенькое пальто. В руках опять очутились кисточки дешевого шарфика. В задумчивости она стала их перебирать, тереть в нервных пальцах и даже не заметила, как рядом присел Ваня. Тихо, стараясь не потревожить мать, он ел огромное мороженое и, болтая ногами, смотрел на кружащихся над рекой чаек.

Зарешеченное окно вновь отрезало его от окружающего мира. Виталий, перекачиваясь с пятки на носок и заложив руки за спину, беззвучно шевелил губами. Этот врач, что смотрел его, так ничего и не понял! До чего же они все тупы! Их очень легко провести. Все, что нужно, – не оказывать сопротивления и не говорить правды! И они верят! Им нравится, когда с ними соглашаются и не спорят. Виталий умеет правильно выстраивать отношения с психиатрами. Это так просто! За время, проведенное в больницах и лечебницах, он научился не

только скрывать свои мысли, но и создавать для них именно ту картину, которая нужна. Этот Юрий Дмитриевич не исключение. Теперь и он сделает то, что хочет Виталий. Мария никуда не денется. Врач обяжет ее навещать больного почаще. Пусть подежурит у него, и деваться ей будет просто некуда. А после выписки Виталий увезет ее домой. Это хорошо, что она боится потерять сына. Теперь у него в руках весомый козырь. Жена знает, что если надавить на суд, то мальчишку у нее заберут. Ей не останется ничего другого, как согласиться жить с ним. Теперь, когда последнее препятствие устранено, Марии деваться некуда. Осталось последнее усилие. А как она испугалась! Это неоспоримое свидетельство, что по-прежнему его любит! А раз так, то почему сбежала? Кто научил ее этому? Кто подсказал? Виталий пока не знал обидчика, но ничего, скоро жена сама все расскажет. Тогда обидчик будет наказан! Жестоко и неотвратно! Виталий уже давно научился устранять препятствия. Любой, кто хоть чем-то его обидел, сто раз пожалел об этом. Только жену он щадил. Почти не наказывал. Разве что самую малость, чтобы место знала.

Под действием лекарств мысли немного путались, но Виталий вполне себя контролировал. Тут есть небольшой секрет. Полностью отказаться от приема невозможно, врачи и медсестры следят за пациентами, но вполне успешно можно не принимать и половины того, что прописано. Спрятать таблетку за щеку и продемонстрировать якобы пустой рот совсем не сложно. Важно только соглашаться и не спорить.

Виталий продолжал смотреть в окно. Хотелось рисовать. Но сейчас просить краски и бумагу было рискованно. Он чувствовал: возбуждение еще не ушло окончательно, и опасался, что не сможет сдержаться. Сколько планов он построил вот так на бумаге. Рисуя, он не только выражал свои мечты, но тщательно прорабатывал каждую мелочь, каждый нюанс предстоящего события. Он создавал будущее, чтобы со временем осуществить, сделать его настоящим. До сего времени это ему удавалось. Жаль, что не получилось досконально продумать встречу с Марией. Пришлось действовать по обстоятельствам, и в итоге ничего не вышло. А виной тому отсутствие хорошего плана. Теперь у него есть время, чтобы подготовиться. Врачи не помеха! Здесь, в тиши отдельной палаты, его никто не потревожит. Нужно только сосредоточиться и в мельчайших деталях представить, как это произойдет. Жаль, что нет бумаги! Мысли сбились, терялись. Виталий потряс головой. За стеклом виднелся сквер. На залитой солнцем лужайке толпились психи. Они радовались теплоте дню и развлекались кто как умел. Дюжие санитары, словно тюремщики, бродили по периметру, заложив руки за спину. Сколько раз Виталий наблюдал такие картины? Сотни? Тысячи раз? И всегда одно и то же. Все же не зря в свое время он штудировал учебники по психиатрии! Лучше смотреть на них из теплой чистой палаты, чем превратиться в одного из этих представителей бездумного стада полоумных. Все же приятно осознавать себя умным и предусмотрительным! Виталий отошел от окна и вытянулся на скрипучей койке. Пусть врач поговорит с женой. Она прибежит к нему как миленькая и станет упрашивать вернуться. В противном случае очень легко потерять мальчишку!

Юрий Дмитриевич, поглядывая на Марию, с удовольствием отмечал для себя, как порозовело ее лицо, как тепло засияли удивительные глаза. Сегодня он впервые за много лет был доволен собой. Он никогда не задумывался над тем, что, доставляя радость другим, можно получать удовольствие. Этим вечером и Мария и ее сын были счастливы. Пусть вначале прогулка не заладилась, но зато теперь... Ваня с восторженными криками носился между деревьями, размахивая палкой, словно саблей. Мария, погруженная в себя, тихо шла по аллее и улыбалась. Юрий Дмитриевич старался не тревожить их. Пусть наслаждаются тишиной и покоем, созерцанием просыпающейся природы, этим восхитительно голубым небом.

Сам он старался как можно чаще бывать за городом, находя там успокоение и то умиротворение, что помогает обрести душевный покой. Прошедшая зима стала для него в какой-то степени переломной. Он устал. Не от работы, нет. С работой как раз все было нормально.

Но вот в личной жизни произошли такие перемены, что впору задуматься о смысле существования. Нет, Юрий не подумывал о том, чтобы наложить на себя руки. Так далеко депрессия не зашла, но подавленность и нежелание к чему бы то ни было стремиться овладели им. Он порвал с прежними подружками и старательно избегал новых знакомств. Вся эта нелепая суета вокруг примитивного физиологического вопроса настолько наскучила, что все чаще в выходные он уезжал куда-нибудь за город и проводил время в полном одиночестве. Вполне обособленные мысли о том, что, возможно, стоит завести собаку, чтобы избавиться от тягостного одиночества и в то же время не обрекать себя на сосуществование с совершенно не нужной ему женой, посещали Юрия Дмитриевича все чаще. В самом деле, кто лучше всех поймет его в минуты грусти, кто всегда с восторгом разделит радость, кто с нетерпением станет ожидать его возвращения с работы и с несказанным удовольствием сопровождать на прогулках? Только сильный, своенравный и в то же время преданный зверь. Вон как спокойно и счастливо долгие годы жил Андрей!⁴ Его рыжая псина, всегда искренняя и верная, не требовала от него ничего, кроме ответной любви. Сколько раз Юрий Дмитриевич видел, как Андрей разговаривал с Дашкой. Рассказывал ей о своих неудачах, делился тем, что никогда не сказал бы ни одному, даже самому близкому человеку. А все потому, что был уверен: собака не человек, она никогда не предаст и не изменит. Такой друг и нужен был Юрию Дмитриевичу. Слишком много уже накопилось в душе, слишком тягостно становилось долгими зимними вечерами, когда хотелось только простого живого тепла. Он частенько представлял себе, как на ковре сидит рядом с могучим зверем, запустив пальцы в густую шелковистую шерсть. Как рассказывает о проблемах, глядя во внимательные, такие чуткие карие глаза. Ему ведь ничего не нужно, только понимание и...

Черт! Он вдруг осознал, что его поразило в Марии. Глаза! Внимательные, чуть настороженные, безгранично теплые и трогательные. Беззащитные и нежные. Именно ее глаза тронули его, зацепили за живое, именно из-за них он здесь! Да, у него появилось неистребимое желание видеть их, всматриваться, улавливать малейшие изменения их выражения. Делать все возможное, чтобы их них исчез навсегда плещущийся на дне затаенный, глубинный страх.

Ваня, зацепившись, с размаху рухнул на влажную землю. Ударился не сильно, но перепачкался основательно. Юрий Дмитриевич в одно мгновение оказался рядом, подхватил, поставил на ноги, отряхнул с курточки и брюк перепревшую прошлогоднюю листву.

– Руки-ноги целы? – спросил он мальчика.

– Да! – коротко ответил Ваня и потянулся грязным кулачком к глазам, явно собираясь разреваться.

Юрий Дмитриевич рефлекторно остановил движение, поддернул лицо мальчишки за подбородок вверх и строго сказал:

– Парень, не дури! Мужчины не плачут!

– Мама ругаться будет! – загнул малыш, и крупные, чистые, словно хрусталь, слезы навернулись на глаза.

– Что случилось? Господи как же ты перемазался! Ты не ушибся? Как мы с тобой теперь домой доберемся? Я же это никогда не отстираю! Тебе не больно? Что ты ударил? Что же ты за ребенок такой! – запричитала подбежавшая Мария, задергала из стороны в сторону сына, пытаясь отряхнуть, убедиться, что цел. Походя отвесила ему подзатыльник и тут же распеловала в перепачканную, заплаканную мордашку.

– Да не расстраивайтесь вы так, Мария Федоровна! Ничего страшного не произошло! Подумаешь, грязь! Постирать, да и только, к утру высохнет! – вмешался Юрий Дмитриевич.

– Что вы понимаете! – вдруг разозлилась Мария. – Ему завтра целый день дома сидеть из-за этого!

⁴ Андрей Макушинский – один из героев книг «По ком звонят колокольчики», «Смерть не берет выходных».

– Все ясно! Бегом к машине! Вернее, не так. Идите быстро по аллее к выходу из парка, а я сейчас вернусь! – приняв решение, коротко бросил Юрий Дмитриевич и побежал к стоянке.

Не думая о последствиях, Юрий Дмитриевич объехал шлагбаум, преграждающий путь, и, вильнув между деревьями, выскочил на пешеходную аллею. Распугивая гуляющих старушек, помчался навстречу Марии и Ване. Возле них развернулся, выхватил из багажника плед, закутал в него мальчика и буквально затолкал на заднее сиденье.

– Садитесь! – почти крикнул он Марии и сел за руль.

До своего дома Юрий Дмитриевич домчался быстро. Распахнул ворота во двор, припарковался возле крыльца и помог выбраться из автомобиля женщине. Ваня, закопавшийся в пледе, не успел даже слова сказать, как очутился на руках у Юрия. Одной рукой отперев дверь, он подтолкнул Марию и вполголоса подсказал:

– На второй этаж!

– Но мы... – начала было она.

– Без разговоров! Вперед! – приказал Юрий Дмитриевич и решительно двинулся вверх по лестнице.

На то, чтобы распеленать мальчика, снять с него куртку и брюки, понадобилось меньше минуты. А спустя еще несколько минут стиральная машина уже загудела, принимая в свое чрево воду.

Мария наконец-то осознала произошедшее и теперь нервно топталась в прихожей, не зная, что предпринять.

– Ну, что вы стоите? Раздевайтесь, проходите. Машина отдаст Ванины брюки только через час. Пока он походит в моем халате, – совершенно спокойно сказал Юрий Дмитриевич.

Все же в больнице есть кое-что положительное. Например, чистота. Виталий всегда страдал при виде грязи или несвежей одежды. Мать приучила его к порядку с раннего детства, и теперь, когда ее нет, он предъявлял повышенные требования к домработницам. Сколько их поменялось за последние годы! И почти всех рассчитывали из-за неаккуратности. В больнице все по-другому. Достаточно только сказать старшей сестре, и санитарки забегают с тряпками и щетками. Здесь, очевидно, тоже привыкли к идеальному порядку. Что ж, это приятно.

Виталий вытянулся на постели. Заложив руки за голову, закрыл глаза и попытался продумать дальнейшие действия. То, что Мария бросилась его спасать, было, несомненно, положительным фактором. Жаль, что она до сих пор не навестила его, как положено любящей жене. Но об этом позаботится Юрий Дмитриевич. Кажется, так зовут того седовласого врача. Он вроде не слишком умный, не слишком въедливый, относится к своим служебным обязанностям как к надоевшей рутине. Это очень хорошо. Значит, будет выполнять все требования Виталия. Главное, давить на него грамотно. Не перегибая палку. Как тогда на заведующую ЗАГСом. Ведь согласилась поставить печати в отсутствие невесты. Всего-то и понадобилось – сунуть ей в карман немного денег да пообещать, что, если заартачится, отец вышвырнет ее с насиженного места в одну секунду. И согласилась! Как миленькая! Действительно, что ей было делать. Ведь не вести же, в самом деле, в ЗАГС Марию! Она не слишком хотела возвращаться в дом Виталия. Даже царапалась, пыталась кричать, до тех пор, пока он слегка не наказал ее.

В тот вечер во дворе было малолюдно, только несколько старух сидели на лавке. Школьный товарищ, одноклассник, сын районного прокурора Валька Сомов терпеливо ожидал в машине, когда Мария с пацаном появятся поблизости. Виталий скрывался за кустами и внимательно наблюдал за подъездом. Подходящее время они вычислили после нескольких дней наблюдения. Когда Мария вышла, Валька запустил двигатель, а подбежавший Виталий в одну секунду затолкал обоих на заднее сиденье. «Шестерка» сорвалась с места и помчалась, подпрыгивая на колдобинах. Мария попробовала что-то говорить, просила вернуться, чем только вызвала смех Вальки. Он уже несколько раз предлагал Виталию поделиться, но тот пока только

отмалчивался. Валька не видел, как ходят желваки на скулах Виталия. Предложения школьного друга было настолько оскорбительными, что первым желанием было тут же убить товарища. Виталий сдержался, но решил, что Валька не останется безнаказанным.

Когда город остался далеко позади, Мария стала кричать. Музыка, гремевшая в салоне автомобиля, уже не заглушала ее крик и плач мальчишки. Виталий не выдержал, попросил остановиться, вытащил женщину за волосы, немного наказал. Постучал по почкам и несколько раз добавил для остроты ногой по ребрам. Аккуратно, так, чтобы ничего не сломать. Мария заткнулась и обмякла. Он затолкал ее обратно в салон, пару раз хлестнул мальчишку по щекам, но это вызвало лишь новый взрыв плача. Махнув рукой на заходящегося в плаче ребенка, Виталий включил музыку громче и махнул Вальке рукой, мол, поехали.

Сменяя друг друга, они ехали всю ночь, а поздним утром, загнав «шестерку» в подземный гараж, Виталий выволок упирающуюся Марию и потащил за собой в подготовленную для нее комнату. Единственное окно он сам забил толстыми досками, на стенах и полу пушистые мягкие ковры, чтобы она, не дай бог, не разбила себе голову. Посреди комнаты кровать. Простая, железная, с внушительным матрасом. Валька, тащивший щенка, замешкался на лестнице и сдуру затянул его сюда же.

– Ты вообще кретин или только прикидываешься? – закричал на него Виталий. – Вниз волоки, к кухарке!

Мария сопротивлялась, но слабо, может, от испуга, а может, просто приняла игру. Несколько раз ударив Марию по лицу, Виталий сорвал с нее одежду и швырнул женщину на кровать. Как ни хотелось немедленно овладеть ею, но он справился с желанием и, привязав руки и ноги женщины, с удовольствием посмотрел на распятое тело.

– Ну что, прямо сейчас трахнем? – спросил за спиной Валька.

– Пошел вон! – заорал Виталий и изо всех сил выпихнул товарища из комнаты.

Мария не сразу поняла, что произошло. Она смотрела, как Юрий Дмитриевич возится с Ваней, и не могла найти ответа на простейший вопрос. Как она здесь очутилась? Почему этот мужчина позволяет себе такие вольности? Не спрашивая разрешения, привез к себе, усадил ребенка за компьютер и теперь развлекает его какими-то играми. А она, мать, вынуждена сидеть и наблюдать за тем, как совершенно чужой человек полностью завладел вниманием ее сына.

Мария порывисто встала и уже собралась сказать, что им, мол, пора и честь знать, но Юрий Дмитриевич опередил ее:

– Мария Федоровна, вы чай предпочитаете зеленый или черный?

– Я хотела... – смутившись, начала она, но Юрий Дмитриевич не дал ей договорить:

– Разносолов у меня, как вы догадываетесь, нет, но печенье и бутерброды найдутся. Позвольте предложить вам легкий ужин. Время уже позднее, а вы с Ваней, как я понимаю, пообедали давно. Пока брюки высохнут, пройдет еще не меньше часа. Так какой чай?

– Все равно. Я в нем мало что понимаю! – махнув рукой, ответила Мария.

– В таком случае я сам выберу! – заявил Юрий Дмитриевич и вышел из комнаты.

Мария услышала, как зашумела вода в кухне, и обескураженно опустила в кресло. Теперь, оставшись вместе с сыном, она смогла наконец осмотреться. Комната, в которой они находились, показалась ей непривычно большой. Возможно, такое ощущение создавалось оттого, что мебели в ней почти не было. Небольшой столик, на котором разместился ноутбук. Пара удобных кресел. Диван, почему-то стоящий едва ли не посреди комнаты. Две большие напольные вазы с сухими букетами и огромный экран на стене. Ни ковров, ни шкафов, ничего, только занимающий всю глухую стену стеллаж с книгами да спрятавшиеся по углам колонки акустической системы – вот и все убранство. Ваня, увлеченно терзающий компьютер, даже не поднял головы, когда Мария, оставив кресло, прошла по комнате, подошла к окну и, отодвинув удивительно изящную штору, выглянула на улицу. Сквозь еще голые ветви дере-

вьев открывался восхитительный вид на реку. Солнце медленно, как бы нехотя опускалось за горизонт. Его уже неяркий свет пронизывал легкие невесомые облачка, создавая удивительную иллюзию чего-то нежного, неземного. В контровом свете ветви деревьев казались угольно-черными. Их четкий, графичный рисунок поражал нереальностью. В сплетении ветвей можно было увидеть и загадочных драконов, и принцессу с букетиком цветов, и мчащихся вдаль всадников. Засмотревшись, Мария даже потеряла счет времени. Всматриваясь в хитросплетение, стараясь увидеть в нем все новые и новые фигуры, знаки, изображения, она не услышала, как вошел Юрий Дмитриевич. Только его голос вернул Марию к действительности.

– Прошу! Сахар я не положил, не знаю, сколько вам нужно, а что касается остального, то, надеюсь, понравится.

Она обернулась и с удивлением обнаружила, что ноутбук уже переключался на диван и печально светился в углу. Ваня обеими руками держал бутерброд с восхитительно розовой ветчиной, а на столе красовались три тонкие фарфоровые чашки, такие совершенные, что казались произведением искусства. Тарелка с горячими тостами исходила дразнящим ароматом поджаренного хлеба. Пара других заполнена была той же ветчиной, сыром, какой-то зеленью, тут же стояла вазочка с горкой печенья, масленка, простая стеклянная сахарница, немного дисгармонирующая с остальной посудой, но создающая именно то настроение спонтанности и неожиданности, что не оставляло Марию.

– Присаживайтесь Мария Федоровна, берите пример с Вани! – с улыбкой пригласил Юрий Дмитриевич.

Ваня тем временем, зажав бутерброд с ветчиной в руке, уже присматривался к нарезанному ломтиками сыру. Мария сделала неосознанное движение, чтобы остановить ребенка, но Юрий Дмитриевич опередил ее и, ловко соорудив для мальчика невиданный многослойный бутерброд, подложил ему на тарелку. Ваня только замычал от восторга. Донельзя смущенная Мария опустилась в кресло. В мгновение ока перед ней оказалась чашка с ароматным чаем. Отступать было некуда. Сначала она еще немного терялась, но затем, отбросив сомнения, соорудила себе бутерброд, не уступающий размерами Ваниному, и приступила к чаепитию.

Мысли, донимавшие Марию, как-то быстро отступили на второй план. Разговор потек незамысловатый и непринужденный. Юрий Дмитриевич неожиданно оказался прекрасным рассказчиком. Он с увлечением повествовал о местах, где побывал, как-то незаметно включил телевизор, но вместо привычных телепрограмм на экране чередой пошли слайды с прекрасными видами гор, моря, чудесными пейзажами, где странным образом сочетались и городские мотивы, и изображения простых полевых цветов, увиденные им в совершенно непривычном ракурсе.

– Как вам это удастся? – спросила Мария не в силах отвести взгляд от фотографий.

– Что именно? Фотографировать? – задумчиво переспросил Юрий Дмитриевич.

– Нет! Увидеть такую красоту. Мне кажется, что я миллион раз проходила мимо и не замечала ничего подобного!

– Возможно, у меня просто немного больше свободного времени. У вас ведь ребенок! – с оттенком грусти сказал Юрий Дмитриевич.

– А у вас? – невольно спросила Мария и осеклась.

– Увы, не сложилось! – сухо ответил Юрий Дмитриевич.

Что-то в его голосе прозвучало такое, что Мария вдруг вспомнила о том, что давно пора собираться домой, да и Ваня уже откровенно клевал носом.

– Нам пора! Только как мы теперь доберемся? У Вани... – начала она.

– Брюки сухие, а вот куртка, к сожалению, не совсем. Но это не страшно. В машине тепло. Да и в моей он прекрасно доедет, – совершенно невозмутимо сказал Юрий Дмитриевич.

Проводив Марию Федоровну с Ваней, он не поехал домой. Возвращаться в пустую квартиру не хотелось. Позвонил Павлу, спросил разрешения приехать к нему. Друг с радостью поддерживал.

– Жавнеровские уже полдня ждут твоего прибытия. Сказали, что вроде договорились, а тебя все нет! Пива только захвати по пути, а то рыбу они привезли, а про пиво забыли.

– Понял, все сделаю! – согласился Юрий Дмитриевич и свернул на светофоре налево.

Настроение стало быстро улучшаться. Нет ничего лучше, чем провести выходные в компании старых друзей! Вечер, принесший поначалу столько радости, оборачивался грустью. Так замечательно было сидеть рядом с Ванькой, помогать ему осваивать непростую, но увлекательную игру, и вдруг все закончилось. Нет, нужно срочно заводить собаку. Большую, сильную, с умными, чуть печальными глазами. Ее не придется куда-то отвозить и оставаться в одиночестве. Юрия Дмитриевича не оставляло чувство, словно он взял семью напрокат. Попользовался, поиграл и сдал назад не потому, что не может позволить себе такую, а просто по причине каких-то дурацких, неизвестно кем придуманных правил. Раньше у него не было такого острого чувства одиночества. Да, с огромным удовольствием он возился с детьми Алены, но не особенно страдал от того, что у него нет своих, а теперь, познакомившись с Марией и ее сыном, мучительно захотелось иметь семью. Собственную. Ощутить себя отцом и мужем. Юрий Дмитриевич вдруг осознал, что всегда немного завидовал Андрею. Мало того что он вырастил замечательного сына, так еще ухитрился жениться вторично, получив сразу готовую семью с двумя дочерьми. Сейчас, когда Андрей с семьей в основном жил за городом, они встречались довольно редко, но еще три года назад встречи были почти ежедневными. Невзирая на погоду, занятость, какие-то личные причины, ровно в шесть вечера в парке появлялась коренастая фигура Андрея, а рядом, словно привязанная невидимыми нитями, рыжая боксерша Дана. Юрий Дмитриевич частенько гулял с ними и всегда удивлялся той нежности, с которой Андрей относился к собаке. Теперь многое стало понятным. Друг таким образом спасался от одиночества.

Виталий помог Вальке встать, даже принес бинт, чтобы вытереть кровь с рассеченной при падении губы, но решение наказать бывшего школьного товарища еще более окрепло. Пришлось поломать голову, чтобы все выглядело натурально. По всем прикидкам, должно было получиться, вот только подготовка требовала определенного времени. Просидев на кухне почти всю ночь, Виталий досконально разработал план. То, что водительских прав у него не было, волновало Виталия меньше всего. Справка о том, что он периодически проводил время в закрытом лечебном заведении, лучше защищала от неприятностей, нежели примитивная мзда автоинспектору. Да и подарок отца на совершеннолетие – темно-синяя «шестерка», точно такая же, как и у Вальки, позволяла без особых проблем выполнить задуманное. Оставалось до автоматизма отработать дальнейшие действия.

Весь следующий день Виталий тренировался, отвлекался всего несколько раз, чтобы навестить Марию. Ближе к вечеру, захватив паспорта, свой и Марии, он отправился к заведующей городским отделом ЗАГСа. Пришлось слегка надавить, и тетка согласилась. Теперь он ощущал себя полноправным владельцем и Марии, и сына. Мальчишка, за которым присматривала домработница, время от времени ныл, но особых проблем не создавал. Накупив игрушек, Виталий навестил Ваньку и, посидев с ним без малого полчаса, почувствовал, как снова начинает болеть голова. Пришлось запереться в своей комнате и рисовать.

То, что Мария без особой радости встречала его, Виталия мало беспокоило. Мать всегда говорила: «Стерпится – слюбится!» Впрочем, еще днем он развязал ее, позволив перемещаться по комнате, но пригрозил, что, если предпримет хоть одну попытку убежать, наденет ей наручники. Даже показал их. Впрочем, сам прекрасно сознавал, что к крайним мерам прибегать вряд ли придется. Дверь надежная, окно насмерть заколочено, и голыми руками доски

не оторвать. Но припугнуть стоило, чтобы не мечтала вырваться и убежать. Хотя... Виталий улыбнулся внезапной, но весьма заманчивой фантазии.

Тетка из ЗАГСа пообещала сделать печати и соответствующие записи через день. Так что можно было относительно спокойно заняться подготовкой наказания бывшего друга.

В тот день он проснулся поздно. Вяло позавтракал. Заглянул буквально на минуту к Марии, полюбовался на ее расширенные от страха глаза и, вернувшись к себе, набрал знакомый номер.

– Валик, привет! Чем сегодня занимаешься?

– Привет, братан! – отозвался Валька.

Судя по голосу, весь прошедший день, а то и полночи, он провел за рюмкой далеко не чая. Именно на это Виталий и рассчитывал. В таком состоянии школьный друг становился особенно падок на различные авантюры. А в том, что та девчонка не давала ему спокойно спать до утра, сомневаться не приходилось.

– Что у тебя с голосом? Болееешь? – усмехнулся Виталий и взглянул на свое отражение в зеркале. Бледное лицо с заострившимся носом и горящими в нетерпении глазами смотрело на него с зеркальной поверхности. Ядовитая хищная улыбка змеилась на тонких плотно сжатых губах. – Давай прокатимся!

– Какого черта?! Эта сука меня всю ночь трахала! Откуда такие только берутся? Я без стакана водки с места не двинусь!

– Так пей скорее, и погнай! – подстегнул его Виталий. – Я, между прочим, тоже со своей оттягивался, как хотел. Давай на спор? Если ты меня в карьере сделаешь, делюсь. Больше того! На пару отделаем! Как тогда, два года назад. Помнишь?

Виталий знал, что в тот раз Валька был на вершине блаженства. Подвернувшуюся по случаю телку они вдвоем имели, как только придется. Двое суток в пьяном угаре. То, что девка в тот же день, едва ее чуть живую вытолкнули на берегу озера из машины, утопилась, уже забылось, отошло в прошлое. Тем более Валька тогда сказал, что это и к лучшему – вода скрывает все следы. Ни тебе отпечатков, ни следов спермы. Установить ничего нельзя. Недаром сын прокурора! Не только словечек нахватался, но и запомнил кое-что полезное.

– За базар отвечаешь? – тут же отреагировал Валька.

– Зуб даю! – в тон ему ответил Виталий.

– Тогда подъезжай! Я сейчас здоровье поправлю, профуру эту выставлю и буду готов! – с явным нетерпением в голосе сказал Валька.

Виталий положил трубку и захохотал. Теперь, можно считать, полдела сделано. Главное – не допустить, чтобы Валька поспешил. Нужно беречь его до самого карьера.

К дому, в котором уже два года жил сын прокурора, Виталий подъехал спустя пять минут. Городок небольшой, все рядом, куда ни кинь. Прокурор отселил от себя беспутного отпрыска, чтобы жить относительно спокойно. Даже нашел ему какую-то непыльную должность в администрации. И хотя Валька заходил в мэрию только за зарплатой, относились к нему в городе с определенной долей уважения. Пусть и напускного, но куда денешься, если его папашка не только близкий друг Горшкова-старшего, но и легко может упечь за решетку любого, кто попытается сказать хоть слово против него или любимого чада.

Валька слово держал. Едва Виталий притормозил у распахнутых ворот, как тот появился на крыльце, нетвердо держась на ногах. Рядом с ним, откровенно шатаясь, стояла растрепанная, помятая, в незастегнутой блузке, открывающей налитую грудь, деваха с до того блудливыми глазами, что сомневаться в ее основном предназначении в этой жизни было просто глупо. Сочно шлепнув спутницу по роскошному заду, Валька едва не скатился по ступенькам. Синяя «шестерка», брошенная во дворе с распахнутыми дверями, словно ожидала его.

– Валь, а Валь, а можно я с тобой? – загнусавила девка.

– Пошла в жопу! – огрызнулся Валька, но остановился у машины, пытаясь сообразить, стоит ли тащить ее с собой или лучше оставить. По-видимому, какие-то следы сознания еще остались в затуманенном алкоголем мозгу.

– Возьми бутылку и впрягайся! – наконец решил он. – Мы с тобой мою победу прямо там отметим. Этот же маменькин сынок не переносит алкоголя! – заржал Валька и тяжело плюхнулся на водительское сиденье.

Девка со всей прытью, на которую только была способна, бросилась в дом и спустя пару минут уже снова оказалась на крыльце. Литровая бутылка водки и один оранжевый апельсин – вся ее добыча уместились в обеих руках. Протопав каблучищами по каменным ступеням, она довольно ловко забралась в авто.

Моторы послушно зарычали. Виталий занял место впереди и достаточно медленно двинулся в направлении карьеров.

Ваня поднялся в квартиру и, почти не видя ничего перед собой, все еще кутаясь в роскошную меховую куртку Юрия Дмитриевича, сразу направился в спальню. Мария едва успела раздеть ребенка. Уставший и счастливый, он засыпал прямо на ходу. Уложив сына, она вытряхнула из пакета непросохшую куртку Вани, пристроила ее на полотенцесушилке в ванной и, зайдя на кухню, остановилась у окна.

Нет, что ни говори, но вечер прошел на удивление хорошо! Зря она не сказала спасибо Юрию Дмитриевичу. Только благодаря его заботе она с Ваней наконец выбралась за город. А как там замечательно дышится! И чего стоит непередаваемое ощущение просыпающейся после долгой ненастной зимы природы! И Ванюша был так счастлив! Если бы не это злосчастное падение... Как быстро и умело отреагировал Юрий Дмитриевич! Если бы не он, Ванюша уже бы кашлял и сопливился. Какой он замечательный человек! И медсестра говорила, что он очень обходителен и заботлив. Правда, она тогда, как показалось Марии, хотела ее от чего-то предостеречь, но не успела закончить фразу, в кабинет Мария вошла одна.

Ване, похоже, Юрий Дмитриевич очень понравился. Еще бы! И покатал на роскошном автомобиле, и дал поиграть на компьютере. Такое для мальчишки дорогого стоит! Как же ему не хватает настоящей мужской руки! Конечно, будь у Вани отец, он не потянулся бы так к постороннему мужчине. Странно, но и Юрию Дмитриевичу, по всему было видно, приятно общаться с мальчиком! Удивительно, никогда Мария не думала, что есть такие мужчины. И вот на тебе! Живой ископаемый экземпляр! Странно даже! Мария вдруг почувствовала, что захотела чаю. Повернулась к плите, чиркнула спичкой, вспыхнул голубой огонек, и она поставила чайник. Что-то надоедливо мешало, терло шею. Мария стянула с плеча, как она думала, полотенце, но это оказались Ванины брюки. Выстиранные, высушенные и выглаженные заботливым Юрием Дмитриевичем. Она посмотрела на не по-женски тщательно отутюженные стрелки и невольно улыбнулась. Ну надо же! Сам стирает, готовит, убирает, утюжит брюки – не мужчина, а находка. Повезет же кому-то! Достанется такой – горя знать не будет! Хотя, скорее всего, он и так не обойден женским вниманием. Крепкий, молодой, красивый, успешный, наверняка отбоя нет от женщин. Конечно, такой может выбрать любую! Вон даже Ванечка в восторге от него.

Стоп! А вдруг... Мария вспомнила несколько историй, услышанных в учительской. Есть, оказывается, такие мужчины, которые, чтобы добиться близости от одинокой незамужней женщины, сначала начинают заигрывать с ребенком, как бы приручая потенциальную жертву. Может быть, и он такой? Нет, это просто невозможно! Не мог же он, в самом деле, захотеть ее! Мария точно знала, что совсем не красавица. Тогда для чего он начал эту игру? И главное, стал завлекать Ваню! Какой стыд! Разве он не понимает, что это подло! Даже если ему удастся сделать то, что он хочет, как же после Ваня? Ребенок останется крайним. Будет страдать, когда, натешившись, удовлетворившись, мужчина забудет о самом факте существования опозоренной им женщины! Не задумываясь заведет себе другую пассию и станет избегать не то что

встреч, даже воспоминаний об оставленной им женщине. Боже, какой ужас! Разве можно так поступать? Ломать чужие жизни, перешагивать через людей, совершенно не думая о последствиях!

Чайник исходил паром. Зло повернув рычажок древней плиты, Мария перекрыла газ. Поискала глазами чашку, обнаружила ее в раковине. Чертыхаясь вполголоса, сполоснула, плеснула черной, как деготь, заварки и невольно вспомнила удивительно ароматный, пахнущий цветами и нежностью чай, которым угощал ей Юрий Дмитриевич. Да, не отведать ей больше прекрасных тостов с ветчиной и тонко нарезанным сыром. Больше никогда в жизни, даже под угрозой смерти, она не перешагнет порога квартиры, в которой живет Юрий Дмитриевич. Как бы ни были чисты его помыслы, но с Ваней ему не следует встречаться. Не дай бог, мальчик привыкнет к нему, а когда интерес у взрослого, самодостаточного мужчины иссякнет, ребенку останется только страдать от несправедливости жизни. Пусть уж лучше Ваня растет, не зная, каковы эти мужчины.

Чай почему-то пах распаренным веником. С отвращением выплеснув его, Мария старательно вымыла чашку, зачем-то понюхала ее и только после этого поставила в сушилку.

Предстоящая завтра встреча с Аленой как-то отошла на второй план.

Юрий Дмитриевич сидел возле потрескивающего камина и, почти не принимая участия в разговоре, смотрел на огонь. Глеб что-то бурно обсуждал с Павлом, Наташа вышла, чтобы уложить ребенка, а Алена по непонятной причине весь вечер держалась в тени. Когда Павел с Глебом поднялись на террасу, чтобы покурить в спокойной обстановке, Алена под села к Юрию Дмитриевичу и негромко сказала:

– Ты так и не позвонил после моего разговора с Марией. Тебя разве не интересуют мои выводы?

– Напротив. Просто я сегодня встречался с ней. Свозил в парк. Погулял.

– Интересно! Что это с тобой? На рыбное потянуло? – усмехнулась Алена.

– Нет, просто я хочу ей помочь. А ты что, уже с первой же беседы смогла прийти к определенным выводам?

– Да, и к очень интересным.

– И ты можешь мне рассказать?

– Не все, только ключевые моменты. Вот посмотри распечатку и суди сам! – сказала Алена, положив на колени Юрия Дмитриевича листок. Обычный, ничем не примечательный листок, заполненный непонятными для непосвященного словами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПО ВЫБОРУ СЕРОГО ЦВЕТА

[Ключ: 11|+3+2-1]

Готовность к переживаниям – вынужденность – недоверие.

Не допускает сближения с неинтересным и не соответствующим определенным требованиям партнером. Ищет встреч и переживаний, которые могли бы его захватить, вызвать у него необычайную активность.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПО ВЫБОРУ 8 ЦВЕТОВ

{4 3 6 0 5 1 2 7}

По устремлению:

[Ключ: 6|+4+3]

Норм-фактор: 1

Потребность чувствовать себя «причиной» и иметь как можно более широкую сферу влияния делают его беспокойным и суетливым. Движим надеждами и ожиданиями, попытки распространить свою деятельность слишком далеко приводят к распылению сил.

По состоянию:

[Ключ: 7|60]

Норм-фактор: 1

Чувствует себя утомленным и неспособным на какие-либо усилия для достижения своих целей. Считает, что им пренебрегают. Ему не хватает теплой привязанности, ситуация кажется недостаточно безопасной. Он считает, что окружающие ввергают его в слишком большое количество проблем.

По индифферентности:

[Ключ: 8|51]

Ищет прочной опоры, дающей спокойствие безопасности. Стремится к разрядке в идиллически гармоничных отношениях. Считает, что только они могут дать ему возможность почувствовать удовлетворенность. Но такие отношения всего лишь результат его иллюзий.

Чем дольше Юрий Дмитриевич вчитывался в путаный, внешне нескладный текст, он находил все больше подтверждений собственным наблюдениям. За непонятными выражениями скрывалась безрадостная картина одиночества и постоянного страха. За себя, за сына. Несчастная, забитая постоянным преследованием мужа женщина не в силах была противостоять ужасам окружающего ее мира. Отсутствие близких друзей и подруг не оставляло для Марии ни малейших шансов спастись.

Психопатологически: страх перед разочарованием, депрессивное состояние.

Психогенные мотивы: страх перед внутренним одиночеством, иллюзорное ожидание блага, счастья.

Психопатологически: аффективное стремление к деятельности, депрессивная оборона.

Психогенные мотивы: неудовлетворенное притязание на приятное обращение определенного лица: на любовь; страх быть обойденным, страх перед лишениями.

Замкнутость

Не хочет поддерживать существующие отношения. Отвергает их с чувством отвращения. Избегает волнений.

Психопатологически: функциональная перегрузка, истощение, депрессивная оборона.

Поиск опоры в неудавшейся любви

Не хочет поддерживать связь, которая его не удовлетворяет. Однако, боясь пустоты одиночества, не порывает с ней, нуждаясь в ней как в опоре.

Психопатологически: страх перед разочарованием, аффективное стремление к деятельности, заторможенность и чрезмерное раздражение.

Психогенные мотивы: иллюзорное ожидание блага, счастья; страх быть обойденным, страх перед лишениями.

Оставалось лишь только удивляться, как, находясь в таком состоянии, бедная женщина сохранила рассудок. Теперь он был абсолютно уверен – Марию необходимо спасти!

– Ты собираешься еще встречаться с ней? – спросил он.

– Да, сегодня вечером. Глеб останется на воскресенье с детьми здесь, а у меня дела и встреча с Марией, – ответила Алена, глядя на язычки огня.

Виталий отлично помнил, что произошло в тот день. Валька попытался его обойти сразу, как только выехали из города. Виталий не пустил – сдвинулся на середину дороги. До самых карьеров он удерживал лидерство, а вот на спуске позволил Вальке себя обогнать. Раскатанная тяжелыми самосвалами дорога здесь расширялась и тянулась по прямой без малого километр, чтобы, резко уйдя влево, начать серпантинном спускаться к старой выработке. Поравнявшись с Валькой, Виталий вдавил педаль в пол до отказа. Подпрыгивая на ухабах, машины летели бок о бок, с каждой секундой приближаясь к крутому обрыву. Искоса поглядывая на Вальку, Виталий только плотнее сжимал и без того тонкие губы. Теперь на карту было поставлено так много, что малейшая неточность могла стать для него роковой. Стараясь удерживать свою «шестерку» левее и чуть впереди, он медленно смещался вправо, как бы прижимая соперника к краю дороги. Укатанный щебень с грохотом вылетал из-под бешено вращающихся колес. Стукал по днищу. Со звоном ударял по бортам автомобилей. Валька вцепился в рулевое колесо, бледный и напряженный, старался выжать из своего жигуля последние силы, но деваха, сидящая рядом, весила не так и мало. А в эти секунды каждый лишний килограмм отнимал драгоценные секунды.

«Вот гаденыш! Как же он, паскудник, хочет добраться до моей Марии!» – мелькнула мысль, и Виталий едва сдержался, чтобы не ударить в крыло соперника, но до обрыва оставались уже считанные метры. Он затормозил, когда кромка уже была видна прямо перед кургузым капотом. Резко бросил руль влево и с ужасом понял, что «шестерка» практически неуправляема. Машину боком несло к обрыву. Казалось, нет такой силы, что способна остановить неуправляемое, безудержное скольжение. Окатанный гравий оказался страшнее льда. Машина скользила по нему как по шарикам. С оглушительным воем вращались задние колеса, не в силах найти хоть какой-нибудь опоры.

Виталия спасло чудо. В последний момент «шестерка» поймала дорогу и ее, будто из катапульты, швырнуло вперед на укатанное полотно. Очень осторожно притормозив, Виталий

остановил пыльные «жигули». Пошатываясь от напряжения, он вышел и зашагал к тому месту, где исчезла Валькина «шестерка». Вспоротый колесами гравий, длинная, в несколько метров полоса пролитой тормозной жидкости, след от скольжения... Грамотно подрезанный тормозной шланг лопнул именно в тот момент, когда было нужно. Обрыв. Далеко внизу смятое синее железо.

Он удивился: почему «жигули» не загорелись? Через ощерившиеся осколками битого стекла окна рассмотреть ничего не удавалось. Быстро вернувшись к своему автомобилю, Виталий направился вниз по длинному серпантину. Достигнув дна карьера, он заглушил двигатель и бегом бросился к разбитой машине Вальки. Между горами щебня он отыскал ее не сразу. Смятый кузов. Подломившееся правое переднее колесо. Похоже, от удара вырвало правую шаровую опору. Валька, уткнувшийся лицом в рулевое колесо. Деваха, окровавленная, с изрезанным битым стеклом лицом, наполовину лежала на деформированном капоте. Тело ее было странно перекручено. Из приоткрытого рта на синюю поверхность мятого железа вытекала темная, почти черная кровь. Остро пахло бензином, но огня нигде не было видно. Виталий осторожно толкнул голову Вальки. Она качнулась и бессильно завалилась набок. Ресницы чуть дернулись. Валька попытался открыть глаза. Виталий вдруг с испугом отскочил в сторону. Почему-то стало жутко оттого, что бывший школьный друг узнает его. Запах бензина становился все сильнее. Из перебитого бензопровода под машиной уже натекла солидная лужа. Настороженно обойдя «жигули», Виталий остановился рядом с телом девахи. Задравшаяся и без того короткая юбка открывала толстые ляжки со следами жадных пальцев Вальки. Стараясь не касаться еще теплого тела, Виталий заглянул внутрь, бутылка, та самая, которую притащила деваха, валялась на полу возле сиденья. На глаза попала простенькая китайская одноразовая зажигалка, судорожно зажатая в безжизненной девичьей руке.

– Может, тебе, сучка, прикурить дать? – спросил Виталий и, преодолевая гадливость, вытянул зажигалку из уже холодеющих пальцев.

Покопавшись в карманах, он отыскал клочок бумаги. Чиркнул колесиком. Поднес язычок огня к бумажке. Тот в один миг почернел, занялся и полетел в дурманяще пахнущую лужу. Пламени в первое мгновение не было даже видно. Только воздух под искореженным автомобилем задрожал. Оранжевое, чадающее, оно взметнулось секундой спустя, быстро охватило кузов, жадно лизнуло колеса. Понимая, что бензобак скоро взорвется, Виталий отбежал в сторону, но остановился и с восторгом, близким к экстазу, смотрел, как бензиновый жаркий огонь яростно пожирает то, что несколькими минутами назад было живой человеческой плотью.

Взрыв, оглушительный и страшный, прогремел неожиданно. Толкнул в грудь жаркой тугой волной. Виталий словно очнулся. Бросился в своей машине, запустил двигатель и направился в город. Что с того, что выезжали они вместе? Лично он ездил купаться на пруды! Сейчас его там увидят многие. Валька сам говорил, что до минут установить время смерти невозможно. А уж после пожара и подавно!

Сгоревшую машину и обугленные тела Вальки и его спутницы нашли только спустя неделю. А еще через несколько дней вернулись с Кипра родители, и разгорелся такой скандал, что Виталий даже не помнил, куда подевалась Мария. С тяжелым приступом его забрали в больницу, а когда пришла пора выписываться, он уже знал, кто должен ответить за причиненную ему боль.

Уже битый час Юрий Дмитриевич смотрел за застывшим в темной воде поплавок. Обещанного Павлом клева не было. Может, стоило сменить место, но ни малейшего желания шевелиться у Юрия не наблюдалось. Изредка поглядывая на далекий берег, он вспоминал результаты теста Марии, и тревога заполняла душу. Слишком много противоречий, слишком не уверена в себе, слишком ранима и не защищена. И все это слишком! Безумно хотелось помочь. Вопрос был лишь в том, как лучше это сделать. Ее доверчивость и открытость мгновенно сме-

няется настороженностью и замкнутостью. А с каким напряжением она наблюдает за тем, как он занимается с Ваней! Словно боится потерять ребенка. Впрочем, основания у нее на это есть весьма веские. Ее муж всерьез собирается отсудить мальчика. Непонятно только, для чего это ему нужно. Конечно, при грамотно поставленном диагнозе никто, ни один суд, не удовлетворит иск, но нервы женщине потреплет основательно.

Муж Марии откровенно не нравился Юрию Дмитриевичу. Кроме психопатии, у него прослеживалось еще что-то, но, пока не пройдут все тесты, пока он их не обработает, окончательный вывод сделать трудно. Демонстративная попытка суицида виделась Юрию Дмитриевичу не более чем желанием запугать и без того несчастную женщину. Первое субъективное мнение, высказанное медсестре, теперь, после общения, пусть и короткого, с Марией Федоровной виделось ему ошибочным. Не могла такая женщина примитивно женить на себе этого малолетку. Произошло что-то другое. Вполне возможно, что не она, а именно Виталий Горшков бы инициатором неравного брака. В таком случае становились вполне понятными и страх женщины, и ее нежелание жить с нелюбимым человеком. Но что тогда может удерживать ее от развода? Должны же быть какие-то причины, заставляющие ее сохранять этот странный брак.

Юрий Дмитриевич поерзал на сиденье, лодка качнулась, круги пошли по воде, поплавок заплесал, то скрываясь, то выныривая. Немного подтянув удилице, он переместил снасть в сторону от наполовину затопленной коряги. Знать бы, что там в глубине. Солидные любители уже давно пользуются эхолотами, позволяющими достаточно точно определять места скопления рыбы, а тут... Стоп! Как он не подумал раньше об инструментальном исследовании?! Алена первым делом прогнала Марию по тесту. Компьютер бесстрастно выдал информацию, и вчера он лично читал распечатку. Почему не сделать того же с Горшковым? Только в этом случае нужно будет использовать комплекс тестов. Проанализировав их и сопоставив, можно рассчитывать на достаточно полную картину.

Плеск весел вывел Юрия Дмитриевича из задумчивости. Лодка Павла неторопливо выдвигалась из зарослей прошлогодних камышей.

– Ну, как у тебя дела? – негромко спросил Павел, не подходя слишком близко.

– Никак, ни единой поклевки. Будто в колодце.

– Странно, я уже собираюсь на берег. На сегодня рыбы хватит, – сказал Павел.

– Я, пожалуй, тоже! – согласился Юрий Дмитриевич и потянул из воды удочку.

Ну конечно, какая сумасшедшая рыба станет бросаться на идеально чистый крючок! Выходит, он так и просидел впустую, пропустив первую поклевку! Тихонько чертыхнувшись, Юрий Дмитриевич смотал снасти и взялся за весла.

Алена уже уехала, и Наташа занималась хозяйством одна. Глеб, как обычно, ушел с детьми в парк, пообещав вернуться к обеду. Павел, оставаясь любителем вкусно поесть, по странности не умел и не любил готовить. По этой причине он, притащив на кухню улов, посидел немного с женой, глядя, как она ловко и привычно чистит рыбу, вдруг подхватился и отправился наверх.

– Опять озарение нашло! – беззлобно проводила его Наташа. – Теперь до ночи не дозовешься. Одно слово, писатель!

– Можно я тебе помогу? – предложил Юрий Дмитриевич.

– Давай помогай, иначе я на кухне до ночи застряну. Жаль Алена в город укатила, мы бы с ней вдвоем горы свернули.

– Она не говорила, когда вернется? – спросил Юрий Дмитриевич.

– К вечеру обещала. С твоей пациенткой встретится и вернется. У нее в три часа встреча с ней. Так что, считай, пару часов беседа да плюс дорога. А ты уже соскучился?

– Дело у нас с ней. Достаточно интересное.

– Ну, это понятно! – не отрываясь от рыбы, сказала Наташа. – Она вкратце рассказала мне об этом. Вдруг Пашке пригодится для очередного романа. Хотя он последнее время хочет

на фэнтези перейти. Пока ничего не показывал, так что я даже не представляю, что у него получается. Ты ведь знаешь, писатель он яркий, талантливый. В любом жанре может работать.

– Поверьте, Алена! Я до сих пор не могу без содрогания вспоминать об этом! После окончания института я попала в небольшой городок. Знаете, этакий захолустный районный центр. Всего три школы. Учителей не хватает. Кто же на такую зарплату пойдет работать? Но делать нечего. Пришлось. Кроме обычной нагрузки, мне предложили еще и классное руководство в одиннадцатом. Лучше бы я отказалась! С этого все и началось. Виталий не был примерным учеником, но из-за родителей ему слишком многое сходило с рук. И хулиганил, и выпивал. Но отец его большая величина по местным масштабам – хозяин единственного в городке предприятия. Как он его сумел приватизировать, одному Богу известно. Естественно, его единственного сына старались тянуть, как это только возможно. С русским языком у мальчиков обычно проблемы, а тут оказалось, что все его оценки настолько натянутые, что я просто в ужас пришла. В общем, его мать, Александра Викторовна, явилась ко мне разбираться, почему у ее сына резко упала успеваемость. Я показала реальную картину. На заявление Александры Викторовны, что, мол, Виталию необходимо поступать в институт и ему нужен высокий балл, пришлось ответить, что в первую очередь необходимы знания. Уговорила она меня тогда позаниматься с мальчиком дополнительно. Денег пообещала. Много, практически вторую зарплату. И я, как последняя дуручка, обрадовалась. Еще бы! Дело к зиме, а у меня старенькое пальтишко уже давно на ладан дышит. Согласилась. С этого момента моя жизнь превратилась в кошмар! Если бы я могла тогда хотя бы предположить, чем все это закончится, я не согласилась бы заниматься с Виталием ни за какие деньги. Да что там деньги! Под страхом смертной казни отказалась бы!

Школа работала в одну смену, учащихся было немного, так что заниматься пришлось дома у Виталия. Знаете, как хочется чего-то достичь, когда ты только что окончила институт и готова свернуть горы? Так и я, готовилась, старалась, подбирала материал к индивидуальным занятиям. Только все впустую. Виталий больше времени проводил в спортзале, чем за учебниками. Я приходила к нему в то время, когда он возвращался с тренировки. Он уже тогда был не по годам развит физически. Сильный, накачанный, девочки-одноклассницы все как одна сохли по нему. А он, как я поняла, изредка нисходил до них. Вот представляете, Алена, я захожу в их дом, а он, потный, покрасневшийся, смотрит на меня черными, словно маслины, глазами и ничего не понимает из того, что я ему говорю! Первые занятия прошли еще куда ни шло, но дальше! Как-то раз я пришла к нему, а тренировку по какой-то причине отменили. Захожу к нему в комнату. Телевизор включен, а на экране! Вы догадываетесь, что смотрят молодые люди в одиночестве? Так вот, он даже не удосужился выключить! Когда я попыталась его урезонить, Виталий попросту высмеял меня:

– Уважаемая Мария Федоровна! Вы до сих пор не знаете, откуда берутся дети? Мне казалось, что в институте не только обучаются различным наукам, но и устраивают веселые вечеринки с групповушкой? Или вы еще не распечатаны?

Что я могла ему ответить? Правду? Что у меня еще не было мужчины? Мне было так стыдно, что Виталий вдруг осекся, выключил видео и сел за стол, словно примерный ученик. Что он тогда почувствовал, не знаю. Но после этого случая отношение ко мне с его стороны изменилось. Виталий начал заниматься! Я ходила гордая, счастливая! В то время я даже представить себе не могла, что меня ожидает.

Примерно через неделю Виталий дождался меня после занятий, и мы пошли к нему домой вместе. Возле автовокзала всегда продавали цветы. Вдруг Виталий подходит к лотку, покупает роскошный букет и преподносит его мне! В октябре цветы уже дороги, но у мальчика деньги водились. Я оторопела от неожиданности. Знаете, Алена, мне до этого случая редко дарили цветы. Только по праздникам и ко дню рождения. А тут ни с того ни с сего великолеп-

ный букет поздних астр! Виталий в этот момент показался мне настолько искренним, что я не смогла отказаться от подарка. С того дня он стал оказывать мне всевозможные знаки внимания. Поначалу я не считала это чем-то из ряда вон выходящим. Конфеты, букеты, однажды он пригласил меня в ресторан, но я отказалась. А после поползли слухи. Сначала среди учеников, а затем и в учительской стали поговаривать, что не все так невинно между нами. Какое-то время мне удавалось бороться со сплетнями, но дальше стало еще хуже. На меня косились, шептались за спиной. Поверьте, это крайне неприятно. Тем более что я не чувствовала за собой вины. Виталий в самом деле стал получать заслуженные оценки.

Перед Новым годом, когда в городке царила предпраздничная суета, меня неожиданно вызвала к себе директриса. Я вошла в кабинет и безмерно удивилась: кроме хозяйки кабинета, там находилась еще и гостья. Александра Викторовна, мать Виталия.

– Присаживайся, Мария Федоровна, у нас к тебе вполне деловой разговор.

У нашей директрисы была такая манера обращения, на «ты», но по имени-отчеству. Я села на предложенный стул, обе дамы замолчали и долго, словно видели впервые, изучали меня. Первой начала директриса:

– Что у тебя, милочка, происходит с Виталием?

– Я занимаюсь с ним. Виталий вполне успешно заканчивает полугодие. По предметам заметно выровнялся. Сделал значительный прорыв по языку. Он способный мальчик, просто многое было запущено, отсюда и результат. Но сейчас к нему претензий, по крайней мере с моей стороны, нет. Занимается усердно. Надеюсь, что на выпускных экзаменах покажет хороший результат! – ответила я.

– Нет, я не об этом. Ты понимаешь, о чем я говорю! – настаивала директриса.

– Простите, нет! Не понимаю! – возразила я.

– Брось, Машенька! Об этом уже весь город говорит! – вмешалась Александра Викторовна. – Чего уж тут перед нами недотрогу корчить! Пока мы с мужем работаем, вы там втихаря занимаетесь невесть чем! Ребенка мне развратила!

– О чем вы говорите! – возмутилась я. – Я его учу русскому языку, и только!

– Знаем мы, чему ты его учишь! В постель уложила и там грамматику преподаешь! – вдруг повысила голос Александра Викторовна.

– Как вы можете! Он же еще ребенок! – едва не плача от несправедливой обиды, воскликнула я.

– Именно что ребенок, несовершеннолетний причем! А ты, сучка, только и умеешь что ноги раздвигать! Муж мой возмущен до предела. Порывался сюда прийти, я его еле удержала! Да он бы тебя просто на куски разорвал! Так развратить моего мальчика! И кто, главное? Училка-замухрышка! – кричала Александра Викторовна.

В это время директриса только посматривала на меня, а тут вдруг негромко, но веско сказала:

– Ситуацию нужно разруливать! Действительно некрасиво получается. Мальчик из хорошей семьи. У него вся жизнь еще впереди, а тут такое! Главное, не понимаю, почему ты, милочка, все отрицаешь? Люди попусту трепать языками не станут. Особенно у нас в городе. Городок-то маленький, все на виду. А эта семья на особом месте. Из ее рук, почитай, полгорода кормится. Как ты могла себе такое позволить, не понимаю!

– Поверьте! Ничего у нас с Виталиком не было! – взмолилась я, не понимая, что этими словами подписала себе приговор.

– Ах, у тебя, б... с моим Виталиком? – взорвалась Александра Викторовна. – Да я тебя сразу раскусила! Тебе в моем городе не жить! В порошок сотру, сучка подзаборная!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.